

А. В. ПОЗДНЕЕВ

Песенная книжная поэзия в славянских странах

I

Изучение русских рукописных песенников второй половины XVII в. и первой четверти XVIII в. с книжными (ненародными) песнями поставило на очередь вопрос о взаимодействии между польской, украинской, русской, чешской, сербской и болгарской песенной поэзией. Этот вопрос представляет большой интерес, ибо у каждого из этих народов степень развития его литературы была различной. У поляков переход от песенной поэзии к стихотворству — что зависело от грамотности городского населения¹ и господствующих классов Речи Посполитой — начался во второй половине XVI в. в творчестве Миколая Рея из Нагловиц и Яна Кохановского. В Московской Руси в связи с невысоким уровнем грамотности широко развивается книжная песенная поэзия: духовная в XVII в. и светская (преимущественно любовная) в петровское время — в первой четверти XVIII в.² Правда, стихотворство в Москве появляется тоже во второй половине XVII в., но оно распространения почти не имеет: стихотворные произведения успехом не пользовались, были ли они сочинены в тонической, досиллабической или в силлабической системе стихосложения. Однако рост грамотности среди части дворянства и городского населения в первой четверти XVIII в. привел к изменению литературных форм: во второй трети XVIII в. у нас происходит переход песенного творчества к стихотворству, сначала силлабическому, а позже — к силлабо-тоническому в творчестве Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. Все они начинали свое творчество с сочинения светских песен и затем переходили к созданию стихотворений в разных жанрах. Но песенное литературное творчество продолжало существовать весь XVIII в., хотя его роль все время постепенно падала.

Развитие школьного образования, организация школ сначала украинско-белорусской, а затем московской во второй половине XVII в. способствуют обращению Руси к Западу, в частности через школу усиливается общение русских с поляками. Кроме того, войны с Польшей в XVII в., постоянные дипломатические переговоры с ней увеличивали число русских людей, владевших польском языком. Все это способствовало обмену поэтическими произведениями между Польшей и Московской Русью. Среди 400 с лишком книжных песен XVII в. около 150 оказываются написанными на поль-

¹ «И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?» (К. Маркс — Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 737).

² А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. — Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. 1. М., 1958 (далее: Рукописные песенники), стр. 58—87.

ском языке, но русскими буквами: добрая половина их встречается лишь в единичных списках.³ Но некоторые польские песни имели успех и встречаются в известных нам 15 русских рукописных песенниках чаще, лучшие — в 6—8 вариантах. Судьбой большинства этих польских песен, пришедших к нам во второй половине XVII в., было их забвение, меньшая же их часть подверглась обрусению.⁴ Большая часть этих польских книжных песен духовные, и их изучение затрудняется невозможностью выяснить их происхождение, если не обратиться к польским материалам.

Среди польских песен, написанных в рукописных песенниках XVII в. русскими буквами, привлекают внимание 11 псалмов Давида в переводе Яна Кохановского: они распевались в Москве на польском языке, как мы знаем по предисловию Симеона Полоцкого к Рифмотворной псалтири.⁵ Находка переводов псалмов Яна Кохановского позволяет конкретизировать слова Симеона Полоцкого, а также определить, что заимствованию подверглись именно песенные произведения. Этот успех непонятных по языку псалмов привел Симеона Полоцкого к решению перевести псалмы стихами, что и было им выполнено, а музыкальные напевы были написаны к ним певческим дьяком Василием Титовым. Таким образом Симеон Полоцкий, сначала создававший в большом числе не пользовавшиеся успехом вирши (произведения для чтения и произнесения) и только пробовавший обратиться в виде опыта к сочинению книжных песен,⁶ в конце жизни создал вместе с В. Титовым песенную Рифмотворную псалтырь.

В переводе Яна Кохановского в русских рукописных песенниках находятся следующие псалмы: пс. 90.⁷ Кто се в опеке пода пану свему (7 вариантов); пс. 42. Невиннось, пане, мое прзими (5 вариантов); пс. 31. Щенсливе, кому грзехи одпущоно (5 вариантов); пс. 142. Пана волам, пана проше (4 варианта); пс. 126. Если сам пан дому не збудуе (2 варианта); пс. 136. Седзионц на низких брзегях (2 варианта); пс. 55. Обронцо уцисионных (2 варианта); пс. 28. Кролю небесны, здрове души (1 вариант); пс. 51. Боже, в милосердзю свым (1 вариант); пс. 79. Поганцы, о боже живы (1 вариант); пс. 49. Слухай цо живы (1 вариант).⁸

Отсюда становится безусловным факт известности произведений Яна Кохановского в Москве в 1670-х годах: до сих пор он еще не был установлен русской и польской наукой. Характерно, что из произведений Яна Кохановского в Москве появились именно псалмы и что они переписывались в их песенной форме.

II

Сербские песенники были исследованы в труде Т. Остоича и В. Джоровича «Сербская городская лирика XVIII в. в старых песенниках».⁹ В этой книге рассмотрено 15 сербских рукописных песенников с 1775

³ Главным образом в рукописном песеннике ГПБ, Погод., 1974, начала 1680-х годов.

⁴ Рукописные песенники, стр. 27.

⁵ Рифмотворная псалтырь Симеона Полоцкого. Изд. 1680 г., стр. 5—6.

⁶ Песни «Кими ты песнями имам восхвалити», «Радости мира» и переводная «Есть прелесть в свете» см.: ГИМ, Синод., 288 (Рифмологин), л. 423 и сл. Кроме того, пять виршей — «Сей день его же сотворил господь», «Ликуйте церкви восточные чада», «Великая радость», «Хвалити бога» и «Отроче юный» — были положены на музыку и сделались песнями, встречаясь в 8—12 вариантах в песенниках, см.: ГИМ, Синод., 288 (Рифмологин), лл. 247, 565 и 592.

⁷ Номера польских псалмов отличаются от русских на единицу.

⁸ Пс. 79, 126, 42, 136 и 49 см.: ГПБ, Погод., 1974, №№ 56, 78, 122, 124, 126; пс. 55, 90, 142, 31 и 51 см.: ГИМ, 1743, №№ 91, 110, 189, 276 и 343; пс. 28 см.: ГИМ, 2469, № 102.

⁹ Београд, 1926.

по 1850 г. Авторы связывают появление и расцвет книжной песни в Сербии с развитием городов: владельцами сборников были торговцы, учителя, монахи, ремесленники, младшие военные. С конца XVIII в. и в начале XIX в. выходят и печатные сборники сербских духовных песен.

Однако развитию городской жизни в Сербии, находившейся с XV в. под турецким игом, предшествовал расцвет городов Далматинского побережья во главе с городом Дубровником, где появившаяся южнославянская литература испытала воздействие литературы итальянского Возрождения. Дубровникская литература имела пышный расцвет с середины XV и до середины XVIII в. К сожалению, в дубровникской литературе¹⁰ до сих пор книжных песен не было обнаружено. И лишь в последнее время благодаря любезности проф. А. Мазона и его ученика В. Водова нам стало известно содержание рукописного песенника Французской национальной библиотеки под шифром 52.¹¹ Водяные знаки бумаги рукописи — полумесяц (Лихачев, Вод. зн., №№ 3724 и 3978). Рукопись принадлежала одно время архидьякону, а в начале XIX в. находилась в городе Шибенике (морской порт на Адриатическом море — Себенико). На л. 21 рукописи помещена «Песнь похвална царю Петру Московскому» («Плачу и рыдаю, грды, србли и бугари»),¹² что свидетельствует о создании сборника уже после смерти Петра I. Составление этого песенника можно отнести к началу 1750-х годов, что видно из упоминаний в песнях венецианского провектора Франческо Гримини (л. 17: «Кармина генералска — Всемилошвейшего господина Францишка Гримини ексцеленцисимо есть генералиссимо провектори»), сербского епископа Пакркацкого, архиепископа Карловачского Павла Ненадовича (1749—1768) и патриарха Константинопольского Кирилла V (1748—1751 и 1752—1757).¹³

В этом рукописном песеннике, на 25 лет более раннем, чем изученные Т. Остоичем и В. Джоровичем, находится ряд русских силлабических песен:

Песень славному Иоанну Златоустому — «Златокванную трубу восхвалим днесь Свирель пастырскую» (л. 8 об.);¹⁴

Песнь святому Николаю — «О кто, кто Николая любит, О кто, кто, Николаю служит» (л. 9 об.);¹⁵

Песнь царю Петру — «Радуйся, российский орле двоеглавный, Ты бо еси ныне во всем мире славный» (л. 21);¹⁶

Песнь святому Василию — «Излияся благодать от уст твоих, Отче пресвятый Василие» (л. 26 об.);¹⁷

Песни рождеству Христову — «Предвечный родился под леты»;¹⁸

«Аггелы снижайтеся, к фертепу собирайтеся»;¹⁹

«Слава в вышних богу воспевайте»;²⁰

¹⁰ П. Попович. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912, стр. 122—237.

¹¹ За сообщение содержания песенника приношу глубокую благодарность А. Мазону и В. Водову.

¹² Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961 (далее: Исследования и материалы), стр. 357—358.

¹³ См. также публикуемую в настоящей книге статью М. Н. Сперанского «Сербские школьные вирши» (стр. 404—413), где воздействие украинско-русской виршевой поэзии на сербскую литературу прослеживается с начала XVIII в. (Ред.).

¹⁴ П. Бессонов. Калеки переходные, вып. 1—6. М., 1861—1864 (далее: Калеки). Калеки, вып. 3, № 203; ГИМ, Цук., 61, № 203.

¹⁵ Калеки, вып. 3, № 189; ГПБ, Тит., 4487, № 20.

¹⁶ Исследования и материалы, стр. 351.

¹⁷ Калеки, вып. 3, № 204; БАН, 33. 3. 5, № 13.

¹⁸ Калеки, вып. 4, № 295; ГИМ, Цук., 61, № 84.

¹⁹ ГИМ, Увар., 167/2180, № 70.

²⁰ Калеки, вып. 4, № 293; ГИМ, 3134 № 19.

«Царие днесь шествуйте»;²¹

«Бог из девы рождается».²²

По материалам книги Т. Остоича и В. Джоровича, в сербских песенниках 1775—1850-х годов находятся следующие силлабические книжные песни:

Песнь на рождество Христово — «Народился нам спаситель»;²³

Песнь Ивану богослову — «Доколе уме пернаты»;²⁴

Песнь св. Илии — «Источнице благодати»;²⁵

Песнь на воскресение — «Изидите вси ангелов лики».²⁶

Каким образом русские духовные книжные песни, созданные во второй половине XVII и первой четверти XVIII в., попали в Сербию? Можно думать, что русский рукописный песенник (или песенники) был завезен в Сербию русским учителем М. Т. Суворовым в Карловац по второй половине 1726 г. в связи с организацией там русской школы по мысли митрополита Моисея (умер в 1730 г.) и его преемника Викентия Иоанновича с предварительного согласия Петра I. После отъезда М. Т. Суворова в Сербию в 1737 г. на смену ему приехал ученик Киевской академии Э. Казачинский с товарищами,²⁷ которые могли привезти новые рукописные песенники.²⁸

Кроме духовных песен, в сербских рукописных песенниках, изученных Т. Остоичем и В. Джоровичем, есть и светские песни:

«Ах, погнала дивчина овечек в поле»;²⁹

«Пойдем на ловы, товарище мой»;³⁰

«Ах, кол мне ныне есть удобная отрада»;³¹

«Что я кому виноват, за что погибаю»³² [песня эта сложена Тимофеем Щербацким, будущим мосовским митрополитом (1751—1768)]³³

«Радуйся российский орле двоеглавный»;³⁴

«Бегал заяц по поли»;³⁵

«Радуйся, Россие, радости сказую»;³⁶

«Ох, скажите мои мысли о моей несчастьи»;³⁷

«Простри лучу очей своих, светлая денница».³⁸

Этот список светских песен не полон: в книге Т. Остоича и В. Джоровича в нескольких случаях даны указания на номера песен в том или ином сербском рукописном песеннике без наименования их зачинов.

²¹ Калеки, вып. 4, № 243; ГИМ, 1743, № 270а.

²² Калеки, вып. 4, № 294; ГИМ, 1743, № 68 («От утробы девья бог произыде»).

²³ Калеки, вып. 4, № 287; ГБЛ, 9498, № 248.

²⁴ ГИМ, Увар., 167/2180, № 29.

²⁵ Калеки, вып. 3, № 200; ГБЛ, 9498, № 235.

²⁶ Калеки, вып. 5, № 411; БАН, 33.3.5, № 29.

²⁷ П. Кулаковский. Начало русской школы у сербов в XVIII в. — ИОРЯС, т. VIII, кн. 2, СПб., 1903, стр. 246—311; кн. 3, стр. 190—297.

²⁸ Т. Остојић и В. Ђоровић. Српска грађанска лирика XVIII в. Београд, 1926. Предисловие, раздел 6; см. также статью М. Н. Сперанского «Сербские школьные вирши» (стр. 404—413 настоящей книги).

²⁹ ГИМ, Сокол., 133, № 82.

³⁰ БАН, 25.7.14, № 146 («Поехал на ловы подгаек...»).

³¹ По изученным русским песенникам неизвестна.

³² Известно 33 варианта: БАН, 25.7.14, № 186; ГИМ, Увар., 167/2180,

№ 17 и др.

³³ Рукописные песенники, стр. 34.

³⁴ Исследования и материалы, стр. 351.

³⁵ По изученным русским песенникам неизвестна.

³⁶ ГПБ, 141, № 162. Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 258 (упоминание).

³⁷ Известно 23 варианта, в том числе: БАН, 25.7.14, № 134; ГИМ, 3134, № 155.

³⁸ По изученным русским песенникам неизвестна.

Для восприятия русских книжных песен в Сербии имелись необходимые условия: в книге Остоича и Джоровича сообщается, что в 1804 г. известный сербский поэт и писатель Досифей Обрадович пел в Вене свою песню «О, Сербия». Следовательно, передовые писатели Сербии еще в начале XIX в. продолжали сочинять книжные песни и их исполнять, а не перешли полностью к стихотворству. Отсюда видно, что в Сербии в середине XVIII в. поэтическое творчество было еще песенным.

III

Вопрос о русско-чешских отношениях в части песенной поэзии сложнее: известны песни, сложенные в Чехии, затем перешедшие в Польшу, а оттуда на Украину и в Московскую Русь. Возможен был переход литературных произведений прямо из Чехии на Русь; так, очевидно, обстояло дело с некоторыми прозаическими повестями. Но особый характер приобретает вопрос о русско-чешских связях в так называемом «Московском зпевнике» — рукописном песеннике 1730-х годов, находящемся в Московском государственном университете и уже не раз изучавшемся с разных точек зрения. Первые сообщения об этом «зпевнике» появились в Журнале Министерства народного просвещения за 1893 г. В 1920-х годах его всестороннее описание дал М. Н. Сперанский по просьбе чешского ученого Франтишека Тихого. Последний в 1931 г. издал книгу, посвященную «Московскому зпевнику» (песеннику) под названием «Československé písně v Moskovském zpevníku».³⁹ Но Ф. Тихого интересовали в первую очередь духовные песни «зпевника» в плане изучения истории чешской песенной поэзии, начиная с древнейшей чешской духовной книжной песни, записанной в XIII в. («Господи, помилуй нас»): он считает ее древнейшей народной песней во всем христианском мире. Поэтому В. Н. Перетц в своей статье, написанной в последние годы жизни, обратился к изучению 19 светских песен этого рукописного сборника, поместив в статье тексты этих песен и сопроводив их комментариями и сведениями о вариантах этих песен по украинским, закарпатским (карпато-русским) и словацким материалам. К сожалению, книга В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв.» издана Академией наук СССР только в 1962 г., когда она и стала нам известной, т. е. через 30 лет после написания.

Занимаясь исследованием русских и украинских рукописных песенников, мы не могли пройти мимо этого интересного рукописного песенника и самостоятельно изучили его, дав его описание. Нам представилось интересным выделить книжные песни, созданные в Московской Руси, а равно подобрать к песням «Московского зпевника» параллели из репертуара русских рукописных песенников для выяснения участия московских певцов-поэтов, в том материале книжной духовной песни, которая бытовала у славянских народов.

В число песен рукописного «Московского зпевника», составленного на границе Подкарпатской Руси, Чехии и Польши, входит ряд лучших книжных духовных песен, созданных Епифанием Славинецким: «О девица пречистая»,⁴⁰ «Хвалити тя, блажаше» и «Чистая дево, царице»;⁴¹ Германом: «Радуйся зело, дщи Сиона»;⁴² Дмитрием Ростовским: «О горе мне.

³⁹ Praha a Bratislava, 1931 (серия «Prace Učene společnosti Šafarikove, sv. 6»).

⁴⁰ Калеки, вып. 4, № 359; ГИМ, 1743, № 159; ГБЛ, 9498, № 76.

⁴¹ ГИМ, 1743, №№ 249 и 266; ГБЛ, 9498, №№ 132 и 152.

⁴² Калеки, вып. 4, № 348; ГИМ, 1938, № 186; ГИМ, Хлуд., 126, № 74.

грешнику сушу» и «Похвалу принесу сладкому Иисусу»;⁴³ неизвестными авторами: «Плакася Адам пред раем седя» (древний стих, известный еще по рукописи XV в.),⁴⁴ «Плачу ся и ужасаю» (покаянный стих, известный в XVII в.),⁴⁵ «Доколе уме пернатый» (песнь Ивану богослову начала XVIII в.).⁴⁶ «На Фаворе преобразься» (песнь преображению начала XVIII в.)⁴⁷ и др.

Известность в других странах лучших силлабических песен, созданных в Москве в XVII в., подтверждается и тем фактом, что, например, в состав украинского рукописного песенника «Сьпіванника з початку XVIII в.» Ягольницкого и Гриневича (1718—1727 гг.)⁴⁸ вошли две песни Елифания Славинецкого — «Радуйся, радость твою воспеваем» и «О девица пречистая»,⁴⁹ а также некоторые другие. Переходят на Украину также русские книжные песни: «О горе мне грешнику сушу» Димитрия Ростовского⁵⁰ и панегирическая песня петровского времени «Орле росиски, пусти своя стрелы». ⁵¹ Из светских песен большое распространение получила у нас песня «Широкое болонейко вода забрала», которая на русской почве получила иной зачин; приводим ее текст по старейшему русскому варианту 1720-х годов:

- I. Да уж мой береженки вода понела,
 Да уж мою девчиненку туженка зняла.
 Припев. Ох жаль, жаль мне будет,
 Озмут ее люди,
 Моя не будет.
- II. Ах, хто ж, моя серденко, вечеряти даст,
 И уже ж моя вечеренка поделуемся раз.
 Припев.
- III. Молеванна колясочка, вороненкий конь.
 Никто же иншей не приедет, лишь миленький мой.
 Припев.
- IV. Ой, ю поли криниченко, жерелонки бьют,
 Ой вже ж мою девчиненку до шлюба ведут.
 Припев.
- V. Один ведет за рученьку, а другому жаль,
 А третьему сердце болит, что любил да не взял.
 Припев.
- VI. А четверты не обедал, як се доведал,
 А пятый ся з моих убил,⁵² що верно любил.
 Припев.

В том же рукописном песеннике есть другой вариант этой песни с другими подробностями.

- I. Ой, в поле криниченка обрубленная,
 Да уже ж моя миленькая полюбленная.
 Припев.
- VIII. Как в саду криниченки, по садику две,
 Ой любил ее миленькую, людям не себе.
 Припев.⁵³

⁴³ Калекы, вып. 4, № 341а; 43 варианта, в том числе: ГИМ, Увар., 167/2180, № 34; 13 вариантов, в том числе: ГИМ, 1743, № 200.

⁴⁴ Калекы, вып. 6, №№ 632—660.

⁴⁵ Калекы, вып. 5, № 441; 12 вариантов, в том числе: ГИМ, 1743, № 186.

⁴⁶ 26 вариантов XVIII в., в том числе: ГИМ, Увар., 167/2180, № 29.

⁴⁷ 45 вариантов XVIII в., в том числе: ГБЛ, 9498, № 234; ГПБ, Тит., 4487, № 4.

⁴⁸ Записки наук т-ва ім. Шевченка, тт. XV и XVII. Львів, 1897, №№ 28 и 56 (по статье Грушевского).

⁴⁹ Калекы, вып. 4, № 359; 9 вариантов XVII в., в том числе: ГИМ, 1743, № 202.

⁵⁰ В сборнике Дзюбаревича (БАН, 16.6.29) № 4; см. также: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 2, СПб., 1900, стр. 6.

⁵¹ ИОРЯС. СПб., 1912, кн. I, стр. 186—187 (в сборнике Д. Левицкого).

⁵² Вариант: ГПБ, Тит., 3896: «а пятого мороз убил...».

⁵³ БАН, 25.7.14, №№ 162, 179.

Песня эта встречается 11 раз в русских рукописных песенниках первой половины XVIII в., а отрывки ее можно найти в сборниках народных песен XIX в.⁵⁴

Цитируя отрывок песни «Да надився (2) воробел» (2) — в отрывке всего 9 стихов. — В. Н. Перетц не приводит к нему параллелей. А такие параллели есть в русских рукописных песенниках XVIII в., в том числе в сборнике конца 1730-х—начала 1740-х годов. Мы даем второй куплет из песни «Да высеку (4) пасеку»:⁵⁵

Да высеку пасеку,
Воспашу я пашочку
В темном месте⁵⁶ за печку
Высеку ль я лесочку,
Посею ль я конопель,
Повадился воробей —

Да я ж тому воробью
Кием крыле перебью,
Що не будет летати,
Мой конопель к(л)евати.
Закажу ж я своему дитяти,
Что не ходило из хаты.

Во втором куплете воробей заменил журавля первого куплета. В других вариантах песня часто начинается зачином: «В темном лесе».

Песня эта народная, она у нас пользовалась довольно большим успехом: в рукописных песенниках она встречается в 13 вариантах в течение всего XVIII в.⁵⁷ Она попала в «Собрание разных песен» Чулкова,⁵⁸ пелась она и в народе, судя по данным печатного песенника начала XIX в.⁵⁹ Ознакомление с русскими вариантами песни свидетельствует, что эта песня чисто русская. Об этом же говорит и ее содержание: в темном лесе высеку пасеку, распашу пашеньку — типичная картина освоения леса путем подсечной системы земледелия, продолжавшей господствовать на северо-востоке Руси. Отдельные варианты продолжают песню, рисуя в следующих куплетах расправу с воробьем (журавлем), а затем и расправу с молодец («Повадился молодец к моей Марусенке ходити»). Нахождение в «Московском зпевнике» отрывка этой песни позволяет предполагать, что песня эта перешла из России (возможно, через Украину) в восточную Словакию. Внимание к этой песне возбуждалось и интересным звучанием (высеку — пасеку), выявлявшимся уже в начале песни.

В параллель песне «Московского зпевника» «Смутен я хочу, хотя й смеюся», кроме записи из сборника Головацкого, можно привести и вариант этой песни из рукописного сборника Абрамова «Смутен я хожу, хотя и смеюся»⁶⁰ от имени молодца (вариант «Московского зпевника» в начале звучит от лица девушки). Собственно говоря, все три варианта — это переработка одной темы, развивающейся в каждом различно, но сходно. Для варианта из сборника Абрамова характерно введение украинских слов, нередких в украинских книжных песнях XVII—XVIII вв. («питенки не хочет, естенки не смачно» вместо «спати не хочу, исти несмачно»).

К песне «Ой, зажурився славная птица журавель»⁶¹ из «Московского

⁵⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским, новая серия, вып. II, ч. 1. М., 1917, № 1370 (Новгород), №№ 1511 и 1574 (Московская губерния).

⁵⁵ ГИМ, Увар., 167/2180, № 81.

⁵⁶ Другой вариант: «лесе».

⁵⁷ ГИМ, Сокол., 133, № 107; ГИМ, Заб., 389, № 151 и др.

⁵⁸ См.: М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. IV, № 168. — В кн.: Н. И. Новиков. Новое и полное собрание российских песен. СПб., 1780—1781 (в шести частях).

⁵⁹ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. V. СПб. 1899. № 263 (из песенника 1819 г.).

⁶⁰ Ныне в ГБЛ под шифром: Собр. рукописей, 218, сб-к 199, № 15.

⁶¹ В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.—Л., 1962, стр. 169.

зпевника» близок ее вариант в русском песеннике из Тверского собрания⁶² с таким же зачином.

Таким образом, подборка параллелей из русского материала к песням из «Московского зпевника» показывает, что: 1) ряд духовных и светских русских книжных песен XVII—начала XVIII в. встречается в чешском (словацком) и украинских рукописных песенниках; 2) туда же переходили и русские народные песни; 3) варианты русских рукописных песенников представляют ценный материал для восстановления первоначального вида книжных песен, бытовавших на Украине, в Чехии и Польше, и иногда без них нельзя будет представить историю ряда книжных и народных песен.

IV

Наиболее трудным является вопрос о болгарской книжной песне. В историях болгарской литературы, писавшихся и русскими учеными,⁶³ и болгарскими,⁶⁴ о существовании книжной песенной поэзии ничего не говорилось. Наши обращения к исследователям болгарской литературы показали, что вопрос этот новый и специальных изучений в этой области не было. Борьба фанариотского греческого духовенства за искоренение болгарского начала в религии и культуре болгар препятствовала развитию грамотности. Поэтому у болгар должны были долго существовать песенные формы поэзии, а роль письменности и литературы должна была быть много меньшей. Рассмотрение характера болгарской поэзии в XV—XVIII вв. осложняется тем, что памятников средневековой болгарской литературы сохранилось мало, — часто вследствие уничтожения их греческим духовенством, стремившимся ввести в Болгарию греческую образованность.

Изучая историю болгарской литературы, ученые стремились выяснить, из каких элементов выростала новая (с Паисия Хиландарского) и новейшая (с Петко Славейкова) болгарская литература. Считается, что силлабо-тонической поэзии болгарских поэтов (начиная с П. Славейкова, Г. Раковского, Хр. Ботева) предшествовало силлабическое стихотворство.

Это утверждение было понятно, так как и при изучении русской литературы развитие поэзии мыслилось только по формуле В. Третьяковского: сначала народная поэзия тонического стиха, затем силлабическое стихотворство Симеона Полоцкого и его учеников и, наконец, силлабо-тоническая стихотворная поэзия начиная с Третьяковского и Ломоносова. Однако, в отличие от русской литературы, болгарские рукописные песенники нам совсем неизвестны, может быть потому, что вообще они не сохранились, может быть оттого, что их не искали достаточно настойчиво.

Отсюда закономерно вытекает необходимость просмотреть описания болгарских рукописей, определить формы стихосложения болгарских стихов и попытаться выяснить, существовала ли вообще болгарская книжная песенная поэзия.

В описании рукописей Софийской народной библиотеки Б. Цонев подчеркивает принадлежность болгарских рукописей к болгарской, сербской и русской редакциям. Однако описания отдельных рукописей говорят

⁶² Твер., 152, № 82 (см.: И. Ф. Голубев. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области. Калинин, 1960, стр. 19).

⁶³ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. 1, СПб., 1879.

⁶⁴ Б. Пенев. История на новата българска литература, тт. 1—3. София, 1930—1933; Ц. Минков, Б. Ангелов, С. Божков. Българска литература (учебник). София, 1953; П. Динев. Стара българска литература, ч. 2. София, 1953 (литографированное).

о переходе их также из Греции и Румынии (точнее, из Валахии и Молдавии), тем более, что во время турецкого ига болгары нередко переселялись в Румынию. Особенности этих языков, упоминания имен деятелей этих народов, культурные традиции — все это в той или иной мере отражалось на произведениях, находившихся в рукописях; отражалось это и на отрывках из поэтических произведений, которые обнаруживаются в виде надписей на рукописных памятниках и старопечатных книгах, хранящихся в болгарских собраниях Молдавии и Валахии. Валашские отзвуки середины XVII в. налицо в силлабической эпиграмме на Цветной триоди 1649 г. на жену господара И. М. Бессарабы.⁶⁵ Отзвуки сербских традиций видны в двух сербских эпических песнях, списке «Истории» Паисия Хиландарского 1784 г.; в стихотворении 1733 г. на книге «Служба и житие на святой краль Стефана Уроша»; в стихах сербского извода на письмовнике 1821 г.,⁶⁶ в отзыве середины XVIII в. П. Ненадовича, ученика Э. Казачинского на сербскую Стематографию Жефаревича.⁶⁷ Греческие элементы налицо в стихотворных молитвах XIX в. — опытах Неофита Рыльского «в подражание греческим стихотворцам», помещенных на рукописи «Стихотворения».⁶⁸ В описаниях рукописей приведены надписи на них и силлабические стихотворения русской или болгаро-русской редакции: нравоучительное силлабическое стихотворение на греко-славянском букваре начала XIX в.,⁶⁹ силлабические «стихове пиитически кѣм св. богородица» 1824 г. на рукописном сборнике «Служба Иоанну Трапезонскому»,⁷⁰ русское силлабическое «надгробное ридание» по старцу Паисию 1794 г. на рукописном сборнике «из разни отци»,⁷¹ силлабическое стихотворение к Магдалине на книге «Благодарственное... прение» 1824 г.⁷²

Все случаи, приведенные здесь, — это примеры стихотворства, созданные силлабической и досиллабической системой стихосложения. Но этим не исчерпываются материалы болгарских рукописных памятников.

М. Н. Сперанский в статье об изучении ряда рукописей Софийской библиотеки остановился на так называемом паремийнике Григоровича, обратив внимание на вставку с ирмосами и стихирами (рукопись 162, XV в.): «Та ж скоро предварет ны ше въ тѣж пек веч стихолог къ господу егда скорбех, на господи возвах поставим стих 1 и по емь самогласну глас 4:

Ныня време благоприятно,
Ныня день спасения,
Въ множестве милости твоее,
И бреме безаконий моихъ облыгчи,
Едине человеколюбче».⁷³

⁶⁵ Б. Цонев. Славянски ръкописите и старопечатни книги на народната библиотека в Пловдив. София, 1920 (далее: Цонев. Пловдив), № 153 (110), стр. 257.

⁶⁶ Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на народната библиотека в София, т. I. София, 1910, № 370 (431), стр. 412; № 267 (544), стр. 171; т. II. София, 1932, № 784 (171), стр. 480 (далее: Цонев. София).

⁶⁷ Цонев. Пловдив, № 172 (98), стр. 267.

⁶⁸ С. Спространов. Опис на ръкописите в Библиотеке при Рилския манастир. София, 1902, № 4 (20) (далее: Спространов), стр. 123.

⁶⁹ Цонев. Пловдив, № 131 (123), стр. 237.

⁷⁰ Цонев. София, № 350 (69), стр. 381.

⁷¹ Спространов, № 3(20), стр. 77.

⁷² Цонев. София, № 360 (615), стр. 400.

⁷³ М. Сперанский. Заметки о рукописях белградских и софийских библиотек. — В кн.: Известия Историко-филологического института в Нежине, т. 16. Нежин, 1898, стр. 9.

Из этого отрывка видно, что он сочинен так называемым «кондакарным» стихом, отличным от стихосложения досиллабического, силлабического, тонического и силлабо-тонического, и что он пелся.

Обращаем внимание на необходимость изучения болгарских церковных песнопений с точки зрения системы стихосложения, примененной в них. Естественно, что лирическая околослужебная или духовная поэзия не могла не воспринимать воздействия церковных песнопений.

В сербском «Дамаскине» 1770 г. находятся 78 двустиший — «стихи сложенны по подобию песни на похвалу святому Савве сербскому»,⁷⁴ — которых мы приводим 8 стихов:

Радуйтеся высóкы пла́нине,
 Сладки глási пойте у вýсине,
 Свако, цветие, и руже, рúмене
 Пóлска дрéва и трáве зéлене,
 Прорасти наме ружа избрана
 От племене славна Немана,
 Сербска рода краля и кесаря
 И премногих стран господаря.

В этом произведении мы имеем книжную песню, сложенную силлабическим стихом уже во второй половине XVIII в.

В сборнике под названием «Casso Jzcazovane od Sveto Pismo» (1780 г.⁷⁵) на стр. 299 помещены «Pesni duchvni na sedemte bolevi od blax. d-a Maria», где «na parvata bolevi» поется:

Zapovedala besce⁷⁶ — Maria
 Tozi nebeski zapoved . . .

На стр. 311 приводится «Pesen» — «Agla» матери Алексея со словами:

Alexova maika grixiovna
 Vrlo se ciudi i duma:
 Dali sam cedo rodila
 Jlli sam anghel dobila.

В павликианском сборнике конца XVIII в.⁷⁷ «Поучения и молитвы» сбоку написаны басни в стихах и песни: а) Pesen na sveto precesteni (л. 21 об.), б) pesen na missa (л. 66 об.), в) pesen na Du sveti:

Jla, Jla Du svetoga
 Do gledasc nasce dusce;

г) Pesen na Maria (л. 75):

Rados ut zalnoviti . . .
 Ela prezalna maiko.

д) Pesen na sveti kres (л. 84 об.); е) Pesen na Maria (л. 88):

Salva na tebe Maria . . .

ж) Pesen za maki Jssusovi del ut pokazene (л. 88 об.); з) Pesen na Mikael Arkangel (л. 83 об.); и) 2 песни к богородице — о днях недели, о деве Марии.

⁷⁴ Б. Цонев. София, т. I, № 332 (495), стр. 331—332; первые 4 стиха взяты у Цонева, вторых 4 стихов у него нет, они списаны нами (в Софии).

⁷⁵ Б. Цонев. София, т. II, № 779 (52), стр. 471.

⁷⁶ besce — беще.

⁷⁷ Б. Цонев. София, т. II, № 780 (379), стр. 475—479.

Таким образом, целый ряд духовных, точнее околицерковных, произведений (но не церковных песнопений) бытовал в пении еще в конце XVIII в., причем часть духовных песен перешла от павликиан, с Запада, где в письме славяне пользовались латиницей.

Можно предполагать, что и некоторые другие произведения из этого сборника носили песенный характер (*Dedo Adam i Eva, Deviza Maria place* и т. д.).

Наибольший интерес имеет сборник под шифром 797(124) Софийской народной библиотеки «Вързоп тетрадки и листи със разно съдържание» с датой 1846 г., где в 6-й тетради в 16° содержатся несколько болгарских, а также греческих песен: в другой тетрадке тоже 16° — 1847 г. (ученического письма) находятся «стихотворная» песня к св. Николаю, похвала Игнатию и песни на рождество.

Песнь Николаю Чудотворцу:⁷⁸

О кто, кто Николая любит?
О кто, кто Николаю служит?
Тому святы Николае
На всякий час помогает...
Пастирю словеснаго стада,
Измый нас от варварскаго ада,
Хотящи нас поглотити
И тех уста заградити.

Песню эту списал «Янко Иоани кир ипод» (даскал?) из Тетевенской школы в 1847 г.

Похвала всепреподобному Игнатию:

Игнатие священномонах...

Песнь на рождество христово:

Слава в вышних богу, воспойте, людие:
Днесь Христос рождается
И пеленами повивается...⁷⁹

В «Калеках переходжих», где помещен близкий текст этой песни, указание: «Стих этот, хотя поется в Сербии, но явно русского происхождения».⁸⁰ В рукописных песенниках XVII в. этого стиха мы не встретили. Близкий зачин был, судя по оглавлению, в рукописном песеннике начала XVIII в.,⁸¹ но сам текст песни здесь отсутствует (вырваны листы).

Другая песнь на рождество:⁸²

Предвечный родися под леть,
Въсхотевъ землю просветить,
До нас от тмы изведет
И ко свету приведет
от мрачных (2).
Новое лето зачинает,
Новый царь царя низлагаеть,
Въ нищету ся народил,
Богатаго засмутил
Ирода (2).⁸³

⁷⁸ Калеки, вып. 3, № 190 (стр. 758); ГБЛ, 9498, № 247; в XVIII в. — 39 вариантов.

⁷⁹ Калеки, вып. 4, № 293 (стр. 77—78).

⁸⁰ Калеки, вып. 4, стр. 78.

⁸¹ ГБЛ, 9498, № 246.

⁸² Калеки, вып. 4, №№ 295 и 296 (стр. 79—81); ГИМ, Цук., 61, № 84.

⁸³ Калеки, вып. 4, № 296: вместо «Ирода» — Августа.

Опять в «Калекх переходжих» есть указание, что близкий «стих» бивтал в Сербии. В рукописных песенниках XVIII в. эта песня нам встретилась три раза.

Наконец, на рукописи «Катавасии и други песни от 1855» есть песнь воскресению христову:⁸⁴

Веселте ся, радунтесе вси верни,
Яко Христос избавитель есть нама.
Сего ради днесь воскресе от гроба,
Да избавит стадо свое из рова.

Такой песни мы нигде не встречали; можно думать, что это болгарская песня — «эпигон» болгарских духовных книжных песен, которые до нас не дошли. Из надписи на л. 3 мы узнаем имя владельца рукописного сборника: «Сия катавасия на панчето Петр Паню Павлевъ. 1855» (из Велеса).

Таким образом, в болгарских рукописных сборниках нашлись духовные песни XVII в. русского происхождения, причем как раз те, которые, по материалам Безсонова, пелись в Сербии (Калеки, вып. IV, №№ 293 и 295) и которые имелись в рукописном песеннике Французской национальной библиотеки (шифр 52), созданном на Далматинском побережье в начале второй половины XVIII в. Возникли эти песни, вероятно, на Украине, откуда перешли в Россию. Найдена и болгарская книжная песня.

Песни, сочиненные силлабо-тоническим стихом, мы находим в позднем рукописном сборнике «Трънска ръкопис» 1869 г. («Плачте горко сви народи ерь нас грешине майка роди» и «Перестанете невини околь мене причіцы: Кому сега пѣеете, Мене ли се смеете?»).⁸⁵ В другой поздней рукописи «Сбирка от учебни раскази и стихове» 1869 г. находятся: а) Песнопойка (песенник) от турски и български песни», б) стихи, в) Собрание на различни песни (по П. Р. Славейков) и г) песнь за училището.⁸⁶ Для последнего сборника характерно совмещение стихотворений и песен, причём ранние произведения Петко Славейкова фигурируют здесь как песни. Позже песни писали и Христо Ботев, и Иван Вазов.

Просмотр описаний рукописных сборников приводит к выводу, что до середины XIX в. болгарская литература знала и стихотворную, и песенную поэзию. И та и другая используют и силлабическую, и досиллабическую систему стихосложения, но встречаются в песнях и произведения, созданные «кондакарным» стихом, а равно силлабо-тоническим. Стихотворения и песни сочинялись болгарскими, но одновременно переходили к ним из Сербии и Румынии, создавались по греческим образцам, подвергаясь болгаризации или оставаясь частично без изменения. Проникали в Болгарию и русские книжные песни, пока найдены только духовные. Это заставляет предполагать, что до середины XIX в. в Болгарии могли иметься и рукописные песенники, но до сих пор они еще не разысканы. Впрочем, мы могли использовать далеко не все болгарские рукописи, а только те, которые нашли отражение в описаниях рукописей Софийской и Пловдивской библиотек, библиотеки Рильского монастыря и св. Синода, а также статью М. Н. Сперанского 1898 г. Рукописи, поступившие в эти библиотеки позже составления описаний, изданных 40—60 лет назад, а равно рукописи, хранящиеся в СССР и других странах, мы изучить не смогли.⁸⁷ Полагаем, что

⁸⁴ Б. Цонев. София, т. II, № 657 (81), стр. 173—177.

⁸⁵ Б. Цонев. София, т. II, № 804 (433), стр. 495 (лл. 1 и 23).

⁸⁶ Шифр П Д. 8: эту рукопись мы сами видели (списывали из нее в Софийской народной библиотеке).

⁸⁷ Приносим глубокую благодарность проф. И. С. Дуйчеву и Н. М. Дылевскому, сделавшим многое, чтобы мы могли эффективно использовать наше краткое пребывание в Софии.

изучение этих последних болгарских рукописей вскроет много новых материалов, что позволит установить иные пути развития болгарской поэзии.

На основании наших наблюдений можно утверждать, что воздействие русской книжной песни на литературы других славянских народов началось с XVII в., т. е. ранее, чем стали появляться переводы новой русской стихотворной поэзии на иностранные языки и чем воздействие ее прозаических произведений сказалось на литературе других народов. Правда, воздействие русской книжной песни на первых порах было не таким значительным, но характерно, что за рубежом переписывались и пелись книжные песни больших певцов-поэтов (Епифания Славинецкого, Германа, Симеона Полоцкого,⁸⁸ Дмитрия Ростовского) или высокохудожественные безымянные духовные (околоцерковные) песни (например, плач Адама). Древнюю русскую песенную лирику мы еще знаем недостаточно, как и песенную лирику других славянских народов, а без этого и вопрос о взаимодействии их поэзии не может быть решен. Знакомство с русскими книжными песнями XVII—XVIII вв. может помочь восстановить те украинские, польские и чешские песни, которые плохо сохранились в памятниках этих народов, но дошли до нас в русских рукописных песенниках в ряде списков (вариантов).

---

⁸⁸ В «Истории новой болгарской литературы» Боян Пенев пишет об известности в Болгарии некоторых произведений Симеона Полоцкого: их знал Петко Славейков, найдя их в монастыре в Тырново (Б. Пенев. История на новата българска литература, т. III. София, 1933, стр. 900).